

Не таков он, чтобы сдаваться без борьбы... В душе он чувствовал, что приближается новый период, начинается борьба, непохожая на ту, которую он вел прежде, и оттого, быть может, еще более трудная.

Жоржи Амаду.

«Габриэла, корица и гвоздика».

НАЧАЛО

Он возвращался домой довольно поздно. Обычно он не любил ходить в гости, но на этот раз позвонил старый знакомый, с которым он дружил много лет. Отказаться было невозможно, да и с какой стати. Иногда подобные встречи вносят некое подобие стабильности в его жизнь, богатую сюрпризами. Прогулки по московским ночным улицам таили опасность, и он торопился домой, стараясь избегать темных переулков. Торопился даже не потому, что боялся встречи с обычной шпаной — к нему такая публика не приставала, видя его высокий рост и широкие плечи, хулиганье опасалось нарваться на спортсмена. Но ему была неприятна сама вероятность встречи, которую лучше избежать. Даже мелкая шпана имела

обыкновение вооружаться огнестрельным оружием и без колебаний пускать его в ход при малейшем сопротивлении жертвы.

Он старался никогда не носить при себе оружия. За много лет своих расследований успел усвоить правило, гласившее, что оружие не только не защищает его владельца, но, наоборот, часто провоцирует его на необдуманные поступки. Именно поэтому он старался по возможности избегать оружия, хотя право на его хранение и ношение у него было оформлено.

У дома было довольно светло от уличных фонарей. Именно поэтому он сразу заметил стоявшую у подъезда машину. В машине сидели двое. Будь это наемные убийцы, приехавшие угостить его парой свинцовых патронов, они не стали бы въезжать во двор. Оставив машину на улице, они ждали бы его у дверей. Очевидно, «Мерседес» приехал к кому-нибудь из жильцов дома. Но едва он подошел к машине, как тут же хлопнула дверца и перед ним выросла фигура парня лет двадцати пяти.

— Извините, у меня к вам письмо. Вы Дронго? — подошел он вразвалочку.

— А почему вы так решили?

— Мне вас примерно описали. Я должен передать вам письмо.

— Я не жду никаких сообщений. Это, видимо, ошибка.

— Там все написано, — торопливо сказал молодой человек, протягивая конверт, — до свидания. Вам позвонят домой.

Незнакомец сел в машину, но она продолжала стоять у подъезда, словно и не собиралась никуда уезжать. Дронго постоял немного, глядя на сидевших в «Мерседесе» молодых людей, а затем стал медленно набирать код автоматического замка на дверях своего подъезда. Оглянулся еще раз — спокойно, и вошел в дом. Дверь закрылась, замок автоматически щелкнул у него за спиной. Уже в лифте он посмотрел на конверт, но не стал его вскрывать, решив дождаться, когда окажется в квартире.

Войдя, неторопливо разделся, умылся, затем прошел к письменному столу. Долго смотрел на конверт без адреса и фамилии отправителя, затем вскрыл его и прочел на небольшом клочке бумаги следующее:

«Уважаемый господин Дронго. Прошу извинить меня, что обращаюсь к вам не по имени-отчеству, которого

мне так и не удалось узнать. Дело в том, что мне срочно нужна ваша помощь. Понимаю, как вас удивит подобное письмо, но прошу отнестись к нему серьезно. Это исключительно важное дело, с решением которого можете справиться только вы».

Он прочел это анонимное послание несколько раз, не понимая, кто и зачем его отправил. Ни имени человека, ни обратного адреса, ни малейшего намёка на то, на какую именно помощь он рассчитывает.

Дронго включил телевизор и постарался отвлечься от странного письма, но это ему плохо удавалось. Через несколько минут раздался телефонный звонок. Он включил автоответчик.

— Здравствуйте, — раздался незнакомый мужской голос. Его обладатель терпеливо выслушал оставленное на автоответчике сообщение, но, видимо, не собирался так просто сдаваться. — Вы не могли бы снять трубку? — заявил он. — Вам только что передали мое письмо.

— Слушаю вас, — Дронго включил телефон.

— Я звоню из Парижа. Понимаю,

как удивит вас этот звонок. Но нам нужно срочно встретиться.

— Не понимаю, почему? — пробормотал Дронго. — И кто дал вам мой телефон?

— Это не важно, — торопливо сказал абонент, — я потратил много сил и времени, чтобы отыскать вас. Вы можете прилететь ко мне в Париж?

— Я еще не знаю, с кем имею честь говорить.

— Узнаете, когда прилетите. Обещаю, что вам ничего не грозит. Если вы почему-либо не примете мое предложение, вас тут же отправят обратно. Билет первого класса вам уже заказан. Вылет рано утром. Если вы согласитесь, вам немедленно принесут деньги и билет. Только впишите в билет свою фамилию и номер паспорта. Утром вас доставят в аэропорт Шереметьево, а когда самолет прилетит в Париж, встретят и привезут ко мне.

— Интересное предложение, — сказал Дронго. — Получается, что я должен лететь к вам, ничего о вас не зная. Я обычно так не делаю.

— Это не обычный случай. Поверьте, у меня исключительные обстоятельства, и мне очень нужна ваша помощь.

— Охотно верю, но, согласитесь, такой звонок ничего, кроме подозрений, вызвать не может.

— Согласен. И чтобы вы мне окончательно поверили, сейчас вам принесут билет и пятьдесят тысяч долларов аванса. Вас устраивает такой аванс?

— Устраивает, — усмехнулся Дронго. — У вас неординарная манера вести дела. Хорошо. Я прилечу завтра утром. А откуда вы знаете, что у меня есть шенгенская виза?

— Я даже знаю, что у вас есть вид на жительство во Франции, — торопливо сказал незнакомец. — Поверьте, что я проделал очень большую работу. Вы мне нужны, Дронго, и поэтому я жду вас завтра утром.

— А почему бы вам самому не прилететь ко мне?

— Мы поговорим и об этом, — пообещал на прощание незнакомец. — Так вы согласны?

— Я люблю летать в Париж, — задумчиво произнес Дронго.

— Спасибо, — обрадовался незнакомец, — до свидания.

Ровно через две минуты в дверь позвонили. Интересно, как они открыли автоматический замок в подъезде, по-

думал Дронго. Неужели они знают код? Он посмотрел в «глазок». Это был тот самый молодой человек, который передал ему письмо. Дронго открыл дверь, и молодой человек протянул ему второй, более объемистый конверт.

— Мы будем ждать вас утром внизу, у подъезда, — сообщил он на прощание.

В конверте оказалось пять новых пачек стодолларовых купюр и билет первого класса авиакомпании «Эйр-Франс» до Парижа. Он задумчиво положил билет на столик, сложил деньги и отправился собирать свои вещи. Нужно было успеть со всем до утра.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Он действительно любил этот город. Ему казалось, что он знал его почти так же хорошо, как свой родной город у моря, где родился и вырос. Как Москву, где провел большую часть своей жизни. Как Нью-Йорк, в котором он работал какое-то время в качестве эксперта. Париж был для него не просто столицей Франции и городом, который ему нравился. Он в полной мере отвечал лаконичной формуле хемингуэев-

ского выражения любви к Парижу — «праздник, который всегда с тобой».

За время своих частых переездов Дронго научился ценить и понимать как прелесть маленьких, игрушечных городков Европы, так и роскошь азиатских столиц с их дворцами и памятниками старины, пугающие размеры конгломератов высотных зданий Америки, пеструю смесь стилей и эпох латиноамериканских мегаполисов. Ему нравились многие города мира. Величественный Лондон, древний Рим, роскошный Мадрид, прекрасный Сан-Франциско, очаровательный Буэнос-Айрес, эклектичный Берлин, причудливый Пекин, изысканный Санкт-Петербург — для него это были вехи не только мировой культуры, но и его собственной души. Любимые города, разнообразно прекрасные и возвышенные, созданные гением человека. Но если Нью-Йорк был для него столицей современного мира, а Москва столицей его глубоко личных духовных ценностей, то Париж — столицей его души. Немного загадочным, немного жеманным, немного консервативным и всегда потрясающим.

Ч. Абдуллаев

В аэропорту его ждал автомобиль с

двумя встречающими. Еще не зная, с кем именно ему предстоит говорить, Дронго уже довольно четко представлял себе, кто именно мог ему позвонить, точнее, он набросал психологический портрет звонившего. Во-первых, человек, который мог прислать в качестве аванса пятьдесят тысяч долларов, купить билет первого класса, иметь своих помощников в Москве и в Париже, разъезжающих на «Мерседесах», — был не просто богат, а очень богат. Ведь он еще сумел узнать адрес и домашний телефон самого Дронго, а сделать это довольно трудно — весьма ограниченный круг людей могли похвастаться личным знакомством с экспертом суперкласса Дронго. Это он понимал без ложной скромности.

Довольно быстро пройдя все пограничные и таможенные формальности, он сел в автомобиль, который помчал его в центр города. Через полчаса они были уже в шестнадцатом районе Парижа, известном домами с роскошными аристократическими квартирами. Машина остановилась у одного из особняков. Молодые люди уверенно позвонили в дверь, и она открылась, впуская гостя. Еще через минуту пожилой чело-

век, по виду дворецкий, ввел его в большую гостиную и удалился.

Дронго осмотрелся. Два роскошных камина, огромная хрустальная люстра, тяжелые шелковые гардины — хозяин любил старину.

— Это не моя квартира, — услышал он русскую речь, — все это я снимаю. Выгоднее снимать дом, чем заказывать несколько номеров в отеле. И удобнее.

Хозяин, высокого роста мужчина, с уже начинающими сесть висками, глубоко запавшими глазами, тонкими губами и носом с небольшой горбинкой, немного нарушавшим симметрию его лица, протянул Дронго руку.

— Здравствуйте, садитесь, — сказал он, усаживаясь в кресло за столиком и терпеливо ожидая, пока сядет его гость. — Как мне вас называть? — спросил хозяин дома. — Кажется, вам больше нравится ваш псевдоним Дронго?

— Мне больше нравится Дронго, — ответил он, — привычнее.

— А меня зовут Александр Михайлович, можете просто Александр. Здесь, во Франции, меня многие так называют. И я уже привык к такому обращению.

■ — Вы французский гражданин?

— Пока нет. Имею вид на жительство. Вообще-то я, как и вы, бывший советский гражданин. Когда страна распалась, у меня появилось российское гражданство. Но потом я решил, что лучше переехать сюда. К тому же у меня жена наполовину француженка. Мы довольно быстро получили вид на жительство.

— Могу вас поздравить. Судя по всему, вы неплохо устроились.

Александр улыбнулся. Ему понравилось чувство юмора гостя. Потом он нахмурился, вспомнив о цели визита Дронго.

— Но позвольте к делу, — сказал он, изучающе глядя на своего гостя. — Речь идет о моей судьбе, фактически о моей жизни.

— Только не говорите, что вы хотите нанять меня телохранителем.

— Нет, не хочу. Мне нужны ваши аналитические способности, господин Дронго. Я нахожусь в очень скверном, отчаянном положении.

— Давайте по порядку. Что случилось и чем я могу вам помочь?

— Мне нужно знать, согласны ли вы.

— Раз я прилетел в этот город, то, наверное, согласен.

— И еще одно условие. О наших разговорах не должен знать никто. Ни один человек.

— Вы могли бы мне этого не говорить. Если вы хотя бы раз позволите себе оскорбительный намек, я немедленно уеду в Москву.

— Извините, я не хотел вас обидеть, — торопливо сказал Александр.

— Речь идет о моей профессиональной гордости. Вы должны меня правильно понять. А теперь рассказывайте подробнее, что именно у вас произошло?

— По делам своего бизнеса я довольно часто вылетал в Москву. У меня есть там прекрасная квартира, большая дача в Подмосковье. Но во время своего визита в прошлом году я решил остановиться на несколько дней в гостинице. Дела требовали моего личного присутствия в городе, а в квартире шел ремонт. Добираться до дачи каждый вечер мне было сложно, и я снял апартаменты в «Метрополе».

Дронго слушал внимательно, не перебивая своего собеседника.

— Я оставался там несколько дней. Должен сказать, что отель, конечно, ■ прекрасный, высшего класса. Я оста-

навливался во многих отелях мира и могу судить об этом квалифицированно. Но вокруг отеля есть и свой «круг обслуживания». В общем, мне рекомендовали одну девицу, которая мне очень понравилась. Понравилась настолько, что я даже подумал взять ее в качестве постоянного «секретаря для командировок». Но все получилось иначе... — Александр вздохнул, нахмурился, потом вдруг спросил: — Вы будете что-нибудь пить?

— Позже, не прерывайтесь. Рассказывайте все до конца.

— В общем, я был с ней несколько дней. А двенадцатого, в четверг, улетел в Париж. Утром она была, как обычно, у меня, мы вместе позавтракали, и я улетел. Через два дня я узнаю, что труп девушки нашли в этом самом номере, кто-то ее застрелил. Беднягу убили, видимо, сразу после того, как я уехал, но формально номер был еще за мной, и получилось, что я стал главным подозреваемым.

— Когда вы завтракали, вас кто-нибудь видел?

— Конечно. Моя охрана, официант, который приносил завтрак.

— А потом?

— Потом я уехал в аэропорт, оставив ее в своем номере. Он был оплачен до четырнадцатого, и я сказал, что она может в нем оставаться еще целые сутки.

— Она вышла вас провожать?

— Нет. Она в это время принимала душ. Я попрощался с ней, мои люди вынесли чемоданы, и мы уехали.

— Значит, когда вы уходили из номера, никто не видел эту девицу живой?

— Никто. Но в ванной была включена вода. Она принимала душ.

— Это не доказательство, там мог находиться любой ваш помощник. Или вы сами открыли воду. Получается, что во время вашего отъезда ее никто не видел живой.

— Вот и следователи говорят то же самое. Они убеждены, что именно я убил эту девушку.

— Вы можете вернуться в Москву и все рассказать. Или послать туда своего адвоката. В конце концов, девицу мог застрелить кто угодно, тем более что она оставалась в номере еще целые сутки.

— Нет, — вздохнул Александр, — не могу. Все гораздо сложнее. Пройдемте ■ в мой кабинет, я вам покажу.

Он поднялся и, быстро направившись в глубь гостиной, подошел к высокой двери, украшенной затейливой росписью. Открыв дверь, он прошел по коридору в свой кабинет. Дронго шел следом. Дом был довольно большой, и они прошли не менее пятидесяти шагов, пока Александр наконец не вошел в свой кабинет.

— Садитесь, — показал он на диван Дронго.

Тот уселся, и Александр, достав пульт, включил телевизор. На экране появилось изображение двух голых людей. Он и она. Не обращая внимания на камеру, они предавались любви. Смеялись, толкали друг друга, резвились.

— Нас все время снимали, — ледяным голосом сообщил Александр, — очевидно, девушку подставили мне именно с этой целью.

Он нажал на пульт, ускоряя изображение.

— Ну и что? — спросил Дронго. — Это проблема ваших отношений с женой. Если вы спали с девушкой, это еще не указывает на то, что вы ее убили.

— Смотрите дальше, — сказал Александр, останавливая изображение.

На экране возник Александр. Вот он встал и, улыбаясь, прошел дальше, очевидно, в ванную. В комнате царил полумрак, горел неяркий светильник. Камера чуть повернулась, проследив его уход. Затем снова включилась уже тогда, когда девушка, лежа в постели, выключила светильник. Поднявшись, она раздвинула тяжелые гардины, и солнце осветило балкон и кровать, на которой она лежала. Девушка, повернувшись, улыбнулась и что-то сказала своему невидимому собеседнику. И в этот момент камера показала пистолет с надетым на него глушителем в правой руке мужчины. Были видны его голое плечо и рука. Раздался выстрел. Один, второй. Девушка отлетела к стене и, размазывая по ней кровь, сползла на пол. Неизвестный поднял пистолет и хладнокровно сделал еще один, контрольный, выстрел. Девушка дернулась и затихла. Александр остановил изображение.

— Посмотрите, — сказал он, показывая на картинку, — у убийцы на правом плече небольшой шрам. Видите?

— Да, вижу.

— У меня такой же, — бесцветным голосом сообщил Александр, — види-

мо, они специально сняли кадр в таком ракурсе, чтобы обвинить именно меня. Все смазано, но все достоверно. Момент убийства зафиксирован на пленке. До этого камера все время снимала именно меня. А вот на этих кадрах уже не я, а мой двойник, которому даже умудрились устроить шрам на плече. Как вы думаете, получив такие материалы, следователь поверит в мою невиновность?

— Вряд ли, — честно признался Дронго. — Все сделано безупречно, на очень высоком профессиональном уровне. Видимо, вы правы, камера действительно засняла момент настоящего убийства. Невозможно доказать, что в кадре был «второй» голый мужчина. Тем более что у него в наличии ваш шрам.

— Я получил его в детстве, когда купался в Волге. Свалился с обрыва на камни, — объяснил Александр. — Теперь вы понимаете, почему я решил обратиться именно к вам?

— Откуда у вас эта пленка?

— Вот наконец мы перешли к самому неприятному. Мне позвонил некий господин и предложил посмотреть пленку. Я, естественно, сначала отказался, но он мне прислал ее домой. Сначала я

решил, что можно договориться с шантажистами, которые просто хотят денег. Но я ошибался. Человек, приславший мне пленку, хочет гораздо большего. Через десять дней в Москве начинается аукцион по продаже акций крупнейшей российской компании. И все знают, что наша группа готовится принять участие в аукционе. За три дня до начала торгов я должен письменно подтвердить отказ нашей группы. У меня в запасе всего семь дней. В противном случае пленка будет передана следователю, который уже и без того требует, чтобы я прилетел в Москву для дачи показаний.

Пока у меня нет гарантии, что пленка не будет сразу же предъявлена следователю и меня не арестуют прямо в аэропорту. Если же я не появлюсь в Москве через неделю, то никак не смогу убедить моих западных партнеров, что у меня все в порядке. Они просто не поймут, почему я отказываюсь лететь в Москву. И, как следствие, откажутся финансировать наш проект.

Я не могу даже махнуть на все рукой и притвориться больным. Если наша компания не откажется официально от участия в аукционе, пленка немедлен-

но будет передана следователям. Они, конечно же, сразу потребуют у французской стороны моей выдачи. Представляете, чем это может кончиться? Местная пресса постоянно пишет о русской мафии. Мы все для них представители мафии, неизвестно каким образом ставшие миллионерами. У меня отнимут вид на жительство и депортируют в Россию. Рассказывать дальше, что будет, или вы догадываетесь?

Дронго молчал, глядя на застывший экран телевизора.

— Меня обвинят в убийстве девушки и в лучшем случае посадят в тюрьму. В худшем меня прибьют где-нибудь в тюремной камере, не доводя дело до суда... Вы хотите мне что-то сказать?

— Кажется, теперь я вспомнил вашу фамилию, — заметил Дронго.

— Тем лучше, — сказал Александр, — значит, вы все понимаете. Пленка не просто динамит под мое будущее и под будущее нашей компании. Если аукцион пройдет по их правилам, все пропало, они получают контрольный пакет. Это уже не экономика и даже не криминалистика. Это большая политика.

— Семь дней, — задумчиво сказал Дронго, — всего семь дней.

— Да, — подтвердил Александр, — только семь дней. Если в течение этой недели вы не сможете ничего доказать, мне придется подписать документы об отказе нашей компании участвовать в аукционе. И не лететь в Москву в следующий понедельник. Аукцион назначен на четверг. Но окончательное подтверждение заявок — только до вторника. Если я даже откажусь от участия в аукционе, никто не может мне ничего гарантировать. Мой отказ сильно подорвет авторитет не только нашей компании, но и российского бизнеса вообще. Что же лично до меня, то я не гарантирован, что эта пленка потом не всплывет в целях скомпрометировать меня в других ситуациях.

— При чем тут российский бизнес?

— Видите ли, наша компания не имеет свободных денег в таком количестве. Мы подписали соглашение с двумя крупнейшими западными компаниями. Если мы сейчас их подведем, еще много лет никто не станет рисковать, вкладывая деньги в Россию. Я уже не говорю о том, какой ущерб нанесло это убийство репутации нашей компании. Смутные слухи уже просочились в российскую прессу. Пока следователи

только проверяют разные версии, среди которых есть и «моя». Но пока это только подозрение. Если мне не удастся ничего доказать, они могут предъявить мне обвинение. Формально все верно. Я был в номере с этой девицей. Я уехал, а ее нашли через несколько часов убитой в этом же номере. Сейчас мои адвокаты проверяют все подробности этого дела в Москве. Но у меня нет времени.

— Кто мог быть заинтересован в подобной провокации?

— Конечно, наши конкуренты в Москве. В первую очередь именно они. Но здесь, в Париже, пленкой владеет некий Уорд Хеккет, весьма сомнительная личность. Как мне удалось узнать, он уже дважды привлекался за мошенничество, но каждый раз уходил от ответственности. Типичный образчик нечистоплотного дельца. Но в Москве, конечно, есть некто посильнее, кто контролирует весь этот процесс и кто дал санкцию на съемку. Провокация, как вы сами можете видеть, задумана и осуществлена с размахом. Пленка не просто уничтожает все наши шансы, разрушает мою семью, бьет по всей нашей компании и по интересам наших

друзей, связанных с нами, она — образчик того, какими методами они готовы с нами бороться.

— Когда вы получили пленку?

— Два дня назад. Хеккет ждет моего звонка. Либо я соглашусь, либо пленку предъявят следователю, который сразу потребует моей выдачи или моего возвращения в Москву. Может быть еще и худший вариант. Пленку покажут по телевидению, что означает полный крах. Даже если потом мне удастся оправдаться, на моей репутации будет поставлен крест.

— На пленке действительно изображены вы?

— Да, к сожалению, я. И меня многие узнают.

— Но стреляли не вы?

— Конечно, нет. Зачем мне убивать несчастную девушку? По каким причинам? Только потому, что мне было с ней хорошо? Бред!

— Ваша жена знает об этой пленке?

— Нет. К счастью, о ней пока не знает в нашей семье никто. Ни мои дочери, ни моя жена.

— Как вы себе представляете помощь с моей стороны? Что я должен сделать? Вы ведь сами говорите, что

пленка подлинная. Согласен, что в последнем эпизоде действуете не вы. Но ведь в других эпизодах снимали именно вас. Как мне опровергать эту запись?

— Я не прошу вас что-то опровергать, — вздохнул Александр, — я прошу найти подлинного убийцу. Разобраться с этим преступлением. Вернуться в Москву и найти убийцу. Чтобы через семь дней я смог улететь в Москву. А я могу полететь только в том случае, если буду уверен, что мне не грозит это нелепое обвинение.

— За семь дней? — спросил Дронго. — Вы хотите, чтобы я нашел убийцу за семь дней?

Очевидно, ирония, прозвучавшая в его голосе, заставила бизнесмена съежиться. Он закрыл глаза и глухо пробормотал:

— Может, вы и правы. Наверное, действительно все бесполезно. Но я хотел попытаться... Мне казалось, что вы сможете... Мне говорили, что вы иногда творите чудеса. Вот я и прошу вас сотворить такое чудо.

Дронго молчал.

— Назовите любой гонорар! — патетически воскликнул Александр. — Я готов на любую сумму.

— Дело не в деньгах. Дело в сложности самой задачи, которую вы передо мной ставите. Семь дней, — повторил Дронго, задумавшись, — такого срока у меня еще не было. Может, стоит попытаться, — раздумчиво сказал он наконец. — Попробуем сотворить чудо. Хотя я лично в чудеса не верю. Но зато немного слышал об этом Хеккете. Мне понадобятся два помощника из числа ваших самых надежных людей. И для начала парижский адрес или телефон Уорда Хеккета. А теперь вы расскажите мне снова все поподробнее. И начните с самого начала.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Они договорились встретиться в ресторане «Ла тур д'Аржант», что в переводе означало «Серебряная башня». Отсюда открывался великолепный вид на Нотр-Дам. Этот ресторан многие столетия был символом преуспевания французской кулинарии. Здесь обедали самые известные политические деятели, звезды эстрады, бизнесмены. К достоинствам заведения относились блюда из утки, каждое из них подавалось к

столу с определенным номером на протяжении шести столетий.

Это был один из лучших ресторанов Парижа, и Дронго намеренно назначил встречу именно там, рассчитывая на то, что его будущий собеседник поверит в его респектабельность. Он не ошибся. Уорд Хеккет выразил понимание проблемы и согласился на встречу с «представителем мистера Александра». Хеккет для начала поинтересовался его именем, и Дронго назвал себя забытым именем Анри Леживра, под которым когда-то работал.

Дронго сидел за столом, когда в зале появился невысокий мужчина с угадывающимися манерами сутенера. Он был ниже среднего роста, имел мясистые щеки, второй подбородок, кустистые брови и внешне был похож скорее на сельского фермера, чем на опытного шантажиста с мировым именем. Однако его выдавали вкрадчивый голос и довольно изысканные манеры. Мягкая улыбка не сходила с его лица, а плавные движения рук могли принадлежать и актеру, и карточному шулеру, готовому в любой момент достать припрятанный туз. Дронго оценил его модный галстук и темный строгий костюм.

Пройдя к столу, Хеккет сел, приглядываясь к уже ожидавшему его Дронго. Улыбнувшись, он сказал по-французски:

— Добрый вечер. Вы назначили встречу в прекрасном месте. Это один из лучших ресторанов Парижа.

— Я не говорю по-французски, — остановил его Дронго, — если можно, давайте перейдем на английский.

— Разумеется. Меня немного сбила с толку ваша французская фамилия, мистер Леживр. Впрочем, это не имеет значения. Вы уже сделали заказ?

— Нет. Поэтому право выбора я решил предоставить вам. Вы, очевидно, часто бываете в подобных ресторанах, сказывается сложность вашей профессии.

Хеккет поднял бровь, оценив иронию Дронго. Затем углубился в изучение меню и довольно быстро сделал заказ, даже не вчитываясь в большой список, предложенный официантом. Было очевидно, что он не был гурманом. С согласия обоих им принесли красное вино. И лишь когда официанты, обслуживающие их столик, оставили обоих собеседников наедине, они начали разговор.

— Вы, разумеется, будете представлять интересы вашего клиента? — улыбнулся Хеккет.

— Я постараюсь их представлять, — кивнул Дронго, улыбаясь в ответ, — должен сказать, что мой клиент не в восторге от пленки, которую вы ему прислали. Но нужно отдать должное специалистам, которые сделали эту запись. На очень хорошем уровне, кроме последних кадров, разумеется.

— Почему? — еще более очаровательно улыбнулся Хеккет. — Мы рассматриваем пленку как единое целое. Или вы хотите, чтобы мы вырезали последние кадры?

— Нет, конечно. Последние кадры так оригинально завершают сцену их прощания, что я вставил бы их куда-нибудь в голливудский боевик, если, конечно, режиссер и оператор данной стряпни согласятся передать мне права на пленку.

— Вы хотите знать цену?

— Во всяком случае, мы должны иметь хотя бы приблизительное представление о масштабах ваших условий.

— Они известны вашему клиенту. Никаких денег, мы работаем на доверии. Нам нужно всего лишь короткое

письмо с отказом мистера Александра от участия в аукционе, который намечено провести в Москве. Пусть остается в Париже, это такой прекрасный город. Вот и все, что мы просим. Он спокойно спит у себя на парижской квартире, а мы спокойно забываем об этой пленке.

— Нет никаких гарантий, что после того, как вы получите подобное письмо, вы забудете о пленке.

— Нет, — согласился Хеккет, — но если мы не получим письмо, то этот фильм будет немедленно передан следователю в Москве, который ведет расследование этого убийства. Полагаю, ваш клиент понимает, чем это ему грозит? Кроме того, моя репутация известна в Европе. Я не позволю себе дважды использовать одну и ту же пленку для давления на вашего клиента.

— Ваша репутация, — пробормотал Дронго, смакуя вкус красного вина. Подскочивший официант быстро наполнил бокалы. — Ваша репутация действительно известна всей Европе, — согласился Дронго. — Вы самый известный шантажист от Мадрида до Варшавы. Не хочу вас обидеть, просто кон-

статую факты. И вы считаете, что мы можем вам поверить?

— Спасибо, — улыбнулся Хеккет. Его трудно было сбить с его позиций, — но у вас просто нет другого выхода. Вы должны мне поверить. Я не ангел, но никогда не делаю гадости ради гадости. Мне нужно во что бы то ни стало нейтрализовать мистера Александра и его западных друзей, не допустив их к участию в аукционе. Больше меня ни о чем не просили. Я никогда не позволяю себе поддаться личным симпатиям или антипатиям. Если мистер Александр откажется от участия в аукционе, все будет забыто и пленка будет навсегда похоронена. Если, конечно, в будущем кто-нибудь не захочет ее выкупить, — добавил Хеккет, подмигивая своему собеседнику.

— Я не сомневался в вашем внутреннем благородстве, — иронично заметил Дронго.

— У следователя пока ничего нет на мистера Александра, кроме того факта, что он оставался в этом номере. Но это не является доказательством его вины. А вот пленка меняет ситуацию кардинально. Вы ее видели?

— Имел удовольствие.

— Ну вот. Ситуация предельно ясна. Либо он отказывается от участия в аукционе и не едет в Москву, послав письмо об отказе. Либо он летит в Москву и на следующий день узнает из газет, что он главный обвиняемый по делу об убийстве несчастной девушки. Одно из двух. И никаких иных вариантов. Все предусмотрено до мелочей. Это мой стиль, мистер Леживр, это мой фирменный стиль. Если мне поручают работу, я делаю ее до конца и надежно.

— Вы забываете о том, что подобное преступление и различные слухи, которые появились в российских газетах, уже подрывают авторитет моего клиента.

— Не думаю. Общие подозрения ничего не значат без конкретных доказательств. Его адвокаты могут найти кучу свидетелей, которые выходили вместе с ним из номера в отеле. Его помощники, пришедшие за багажом, служащие отеля или еще кто-нибудь. Все подтвердят, что он уходил из отеля, когда его спутница принимала ванну. Никаких доказательств обратного пока не существует. Пока... Что касается самого убийства? Ну кто поверит, что такой известный бизнесмен был причастен к

убийству дешевой проститутки? Без пленки — никто. Поэтому не нужно считать, что ваш клиент несет какие-то особенные потери. В конце концов, нельзя быть девственницей в борделе. Это общеизвестно.

Им принесли голубей, завернутых в виноградные листья. Вместе с прожаренными кусочками ореха, в соусе из белого вина мясо казалось особенно нежным. Дронго осторожно взял кусочек, попробовал. Очень вкусно.

— Мистер Хеккет, — сказал Дронго, поднимая бокал, — не скрою, что задуманная вами операция вызывает восхищение. Все продумано и осуществлено с присущим вам блеском. Не сомневаюсь, что люди, заказавшие вам подобное «мероприятие», были хорошо осведомлены о ваших талантах. Вы, по существу, взяли моего клиента в тиски, не оставляя надежды на какой-либо другой исход.

— Вы мне льстите, — усмехнулся Хеккет.

— И вы считаете, что у моего клиента нет никаких шансов избежать ваших «клещей»?

— Нет, — поднял бокал Хеккет. Он сделал три глотка, поставил бокал на

столик и скромно добавил: — Даже с помощью такого профессионала, как вы, Дронго.

— Не сомневался, что вы обязательно меня узнаете, — ровным голосом заметил тот.

— Каждый из нас профессионал в своей области, — вкрадчиво сказал Хеккет, — вы мастер распутывать интриги, а я умею их мастерски плести. Согласитесь, что у меня должна была быть полная информация о таком всемирно известном аналитике, как вы.

— У меня тоже есть некоторая информация о вас.

— Прекрасно, — не без пафоса произнес Хеккет, — давно хотел с вами увидеться. Значит, в течение ближайших семи дней мы будем не только коллегами, но и напарниками в этом трудном деле. Не могу передать всей гаммы чувств, которые меня охватили.

Со стороны казалось, что беседуют двое старых приятелей. Они лучезарно улыбались друг другу и поочередно кивали, соглашаясь с мнением своего собеседника.

— Вы напрасно взялись за это дело, — продолжал улыбаясь Хеккет, — все продумано до мелочей и рассчита-

но. Вы приехали слишком поздно, мистер Дронго. Возможно, на первом этапе у вас еще были бы какие-нибудь шансы, но, когда осталось всего семь дней, пардон, уже шесть, у вас их нет. Вы только подорвете свою профессиональную репутацию. Мой стиль хорошо известен: продумывать операцию до мелочей и всегда, вы слышите меня, Дронго, всегда добиваться нужных результатов. Поэтому единственное, что я могу вам посоветовать, — это вернуться домой. Вы опоздали.

— Не думаю. За столько дней может многое произойти. Я все-таки намерен взяться за это дело. Мне будет даже интересно найти ошибки в вашей безупречно выстроенной схеме.

— Пожалуйста, — развел руками Хеккет.

От него исходил сильный карамельный запах. Дронго усмехнулся:

— Я не думал, что вы так привержены моде. Вам нравится «Тьерри Мюглер»?

— Да. В последнее время это мой любимый парфюм. А вот вы, как известно, много лет употребляете только «Фаренгейт». Говорят, что вас можно найти даже по запаху.

— Спасибо. Что еще обо мне говорят?

— Вы консервативны, Дронго, а значит, привержены каким-то определенным ценностям. Вся Европа знает, что вы носите обувь только фирмы «Балли», предпочитаете костюмы от Валентино. У вас строгий вкус, мистер Дронго.

— Не могу вернуть вам комплимент. Ваш великолепный галстук от Кензо явно не вяжется с вашим костюмом. Чья это фирма?

— «Балансиага». Я покупаю костюмы в бутике на авеню Георга Пятого.

— Прекрасно знаю этот магазин. Там, по-моему, владелец магазина индус. Или пакистанец. Он находится напротив бутика «Живанши», с правой стороны, если заворачивать с улицы Монтеня.

— Вы хорошо знаете Париж, — улыбнулся Хеккет. — А мне говорили, что вы лучше всех в Европе умеете выбирать тонные галстуки для своих костюмов. По-моему, на вас Версаче. Я слышал, это был ваш любимый дизайнер. Покойный предпочитал вызывающе эффектный стиль, что мне в

нем и нравилось. Но вы, с вашим строгим вкусом, носите такие галстуки?

— Уже не ношу. После того как его полюбили в Москве наши «новые», я решил отдавать предпочтение другим, более сдержанным мастерам. Сейчас я ношу номерные эксклюзивные галстуки от Живанши, они мне нравятся. Но их цветочная гамма скорее рассчитана на лето. На зиму я предпочитаю более строгие галстуки итальянских модельеров.

— Вы тонкий ценитель прекрасного, — заметил Хеккет. — А какие рубашки вы обычно носите? Я люблю от Нины Риччи. Они всегда в моде.

— «Монсеньор Кристиан Диор», — признался Дронго. — Дело в том, что в ваших рубашках есть пластмассовые вставки для поддержки воротничков. А я всегда их теряю. Поэтому ношу либо «Монсеньор», либо «Пионер», чтобы не искать вставки.

— Нижнее белье, конечно, от Джерутти?

— От Кельвина Кляйна. Хотя я принципиальный противник моделей «унисекса», но у него есть некоторые классические образцы.

— У нас много общего, — засмеялся

Хеккет, — мы могли бы составить потрясающую пару.

— Вы имеете в виду вместе работать?

— Мы уже вместе работаем, в одном деле.

— Соперничаем.

— Можно и так. Хотя мне больше нравится слово «сотрудничаем».

— В таком случае я надеюсь, что наше «сотрудничество» кончится определенным результатом ровно через неделю.

— Сегодня понедельник, — напомнил Хеккет. — В следующий понедельник утром наш общий знакомый должен четко заявить, что он намерен делать. Либо он летит в Москву и его ждет теплая встреча со следователем, либо он остается в Париже и наслаждается своей пикантной пленкой. Он даже может получать удовольствие от просмотра этого фильма, если вырежет последние кадры. Но других вариантов у него нет. Если он решит рискнуть, то проиграет. К сожалению, я связан обязательствами и ничего не могу сделать для него.

— В таком случае у меня даже меньше времени, чем я думал. Но я не при-

вык отступить, мистер Хеккет. Я приглашаю вас в этот ресторан ровно через одиннадцать дней. В пятницу. Надеюсь, вы согласитесь со мной поужинать. Ровно через одиннадцать дней, — повторил Дронго. — И тогда мы обсудим результаты нашего «сотрудничества».

— Вы так самоуверенны, — пробормотал Хеккет, — у вас ничего не получится. Не стоит даже пытаться.

— И все-таки я попытаюсь. В конце концов, даже поражение от такого специалиста, как вы, Хеккет, может многому научить. За ваше здоровье, Хеккет, надеюсь, вы будете здесь ровно через неделю.

— Обязательно, — усмехнулся Хеккет. — Вы напрасно блефуете, Дронго. Ведь сделать уже ничего нельзя. Единственное разумное решение, которое может принять ваш друг, — это написать письмо прямо сегодня и не утруждать вас бесперспективными поисками. В конце концов может пострадать ваша репутация.

— Не думаю. От поражений никто не застрахован. Тем более поражение от такого специалиста по устройству мерзостей, как вы, мистер Хеккет.

С лица Хеккета сошла улыбка. Он нахмурился и раздраженно сказал:

— Хорошо. Попробуйте бросить мне вызов. И мы посмотрим, что у вас получится. Но учтите, что с этой секунды я начинаю вам активно противодействовать. Своего нейтралитета я вам не обещал.

— Я остановился в отеле «Ритц», — сообщил Дронго, — если вы захотите и мне подставить подобную красотку, то я не буду возражать. Еще лучше двух, чтобы у меня был необходимый свидетель.

Хеккет положил вилку на стол. Покачал головой и все-таки улыбнулся.

— Прекрасная тактика, — сказал он, — но вам не удастся меня спровоцировать. Встретимся в следующую пятницу, мистер Дронго.

— Вы отказываетесь от десерта? — удивился Дронго.

— Да. Сладкое портит фигуру. Вам тоже полезно от него отказаться.

— Обязательно учту ваши рекомендации, мистер Хеккет. Надеюсь, в них нет никакого скрытого намека?

— До свидания, — поднялся Уорд Хеккет. Подумав секунду, сказал на прощание: — Будьте осторожны, Дрон-

го. Я веду борьбу по своим правилам. А мой девиз: никаких правил в борьбе за главный приз. Прощайте.

Когда он ушел, Дронго еще долго сидел за столиком. Наконец к нему подошел официант.

— Десерт? — спросил он, наклоняясь к посетителю.

— Нет. Принесите мне сыр и еще немного вина. Мой ушедший друг считает, что десерт будет мне вреден.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Было уже за полночь, но они все еще сидели в кабинете, ведя беседу. После встречи с Хеккетом Дронго приехал к бизнесмену, чтобы уточнить некоторые детали.

— Насчет аукциона я все уже понял, — подвел итог Дронго, — а с девушкой вы познакомились в ресторане. Все правильно?

— Да, все правильно. Она была невероятно хороша собой. Как раз тот тип женщины, который мне нравится. Но она не стала подходить ко мне. Просто села за соседний столик и заказала легкий завтрак. Или ленч, как говорят американцы.

— А почему вы решили, что она профессионалка?

— Это было сразу заметно в постели. Она была, видимо, не просто профессионалка, а специалист в своей области. Очень хорошо говорила по-английски. В общем, я решил предложить ей подняться в мой номер, и она согласилась. Что было потом, вы знаете.

— Значит, вас конкретно никто не знакомил?

— Нет. Но я сразу обратил на нее внимание, как только она вошла. Мы как раз в это время ужинали с моим адвокатом. И оба обратили внимание на эту женщину. Она была очень привлекательна. В ресторане почти никого не было. Я обычно встаю очень поздно, стараюсь работать по ночам. Поэтому в гостиницах обычно выбираю западную сторону, чтобы подольше поспать. В этот день мы завтракали ближе к полудню. И представьте себе мое состояние — увидев ее, я даже отменил свои встречи.

— Не сомневаюсь, — пробормотал Дронго, — женщину явно подбирали с учетом ваших вкусов и пристрастий. Узнаю знакомую руку мистера Хеккета. Он все делает основательно. Может, даже пригласил психолога, который

определял тип женщины, способной вам сразу же понравиться.

— Да, да, мне тоже так кажется. Она как-то сразу согласилась, повела себя раскованно, просто. Мне не нравится, когда они начинают торговаться, ломаться, набивать цену. Она совсем не похожа на остальных.

— Она такая же, как и все остальные, — возразил Дронго, — только в отличие от других ей заранее было уплачено. И гораздо большая сумма, чем она могла бы заработать за год своей трудовой деятельности. Я думаю, не меньше. Хеккет не скупится в таких случаях. Он ведь все равно выставляет потом общий счет своим «заказчикам».

— Она была такой привлекательной, — вздохнул Александр, — мне стало больно, когда я узнал о ее смерти.

— Ваш адвокат уже отвечал на вопросы следователя?

— Да, он сказал, что я уехал и буду в Москве не раньше следующего понедельника. Следователь оставил повестку, попросив меня явиться к нему на допрос во вторник в качестве свидетеля.

— Как фамилия вашего адвоката?

— Любомудров. Викентий Алексее-

вич Любомудров. Такая интересная фамилия. Он хороший специалист, мы с ним работаем уже давно.

— Не сомневаюсь, что вы выбрали самого лучшего. Я буду работать в Москве вместе с ним. Кого вы еще можете мне рекомендовать? Мне нужен еще один помощник.

— Андрей Ильин, тот самый, который уже был у вас дома. Я ему полностью доверяю. Мы с ним знакомы несколько лет.

— Отлично. Теперь мне нужно, чтобы вы абсолютно честно ответили на несколько моих вопросов. Только очень честно, иначе я не смогу гарантировать нужного вам результата.

— Да, конечно, — пробормотал Александр, — я вас слушаю.

— Вы знали о том, что в отеле вас снимают?

— Конечно, нет, — растерялся Александр, — вы решили, что я сам организовал эту съемку?

— Я ничего не решил. Я только уточняю.

— Ничего я не знал. А если бы догадался, то сломал бы камеру. Даже просил проверить Викентия Алексеевича этот номер. Он все просмотрел лично.

Очевидно, миниатюрная передающая камера была установлена под картиной, откуда и велась вся съемка.

— В первых эпизодах показанной мне ленты ваша личность не вызывает сомнений. В последних эпизодах — точно не вы? Я сейчас ваш поверенный, как священник или адвокат. Если вы убили девушку, то лучше скажите мне сразу, чтобы я поменял вектор поисков. Тогда я буду искать не убийцу, а оправдывающие вас обстоятельства. Если вы мне сейчас соврете, это будет означать крах поставленной мне задачи.

— Вот и вы мне не верите, — вздохнул Александр. — Я ее не убивал, — твердо сказал он, — и не стрелял в нее, — добавил бизнесмен.

— Хорошо. Теперь последний вопрос. Вам действительно так важно принять участие в аукционе? Или для вас предпочтительнее отказаться и выкупить оригинал пленки у Хеккета?

— Я не могу отказаться, — вздохнул Александр, — дело не во мне. На аукционе завязаны интересы очень многих людей. Моя компания всего лишь организация, использовав которую очень влиятельные люди хотят приобрести

пакет акций. Нет, я никак не смогу отказаться. Для меня это равносильно самоубийству. В таком случае я действительно больше никогда не смогу вернуться в Москву. И в Париже оставаться нельзя. Меня просто пристрелят. Без всякой пощады. Здесь задеты интересы очень влиятельных людей.

— А ваши противники?

— Это другой клан. По существу, в России сейчас реально у власти находятся несколько кланов, которые определяют всю политику в стране. Если я откажусь, то подведу весь клан связанных со мной людей. Выставлю их посмешищем в глазах западных партнеров. А пакет акций, которым завладеет другой клан, способен усилить их влияние на всю экономику и политику России. В том числе и в деле контроля за реальной ситуацией в стране.

— Убедительно, — сказал Дронго. — Я с самого начала подозревал, что здесь замешаны не только крупные экономические интересы, но и политика. Уорд Хеккер слишком известная личность, и его не стали бы нанимать только для того, чтобы вас так дешево подставить. Они, очевидно, до мельчай-

ших деталей рассчитали свою стратегию и выбрали самую уязвимую точку.

— Вот именно. Формально документы обязан подать именно я как глава нашей компании. И все подписи на пакете документов должен проставить тоже я. Теперь у меня выбор — или не ехать в Москву и ждать, когда меня убьют за обман интересов весьма влиятельных людей, или полететь в Москву и положить голову на плаху, пожертвовав собой. Акции мы, конечно, приобретем, но меня посадят надолго. Или тоже убьют. Получается, что в обоих случаях конец у меня будет одинаковый.

— Это мы еще посмотрим, — возразил Дронго, — иногда возникает и третий вариант. Это когда монета падает ребром. Один шанс на миллион, но он всегда существует.

— Хорошо, — заставил себя улыбнуться Александр, но улыбка получилась вымученная и жалкая, — будем считать, что вы мой шанс. Как раз такой шанс. Один из миллиона.

— Утром я вылетаю обратно в Москву, — сообщил Дронго, — и пусть ваш Ильин меня встретит. Если можно —

вместе с вашим адвокатом. У нас и без того очень мало времени.

В отель «Ритц» на Вандомской площади он вернулся в первом часу ночи. В холле к нему подошел предупредительный портье.

— Простите, мсье, — сказал он извиняющимся тоном, — вам несколько раз звонили из пятьсот двадцать третьего номера. Просили подняться к ним, как только вы приедете.

— Кто звонил? — удивился Дронго.

— Не знаю. Но очень просили вас подняться к ним в номер. Они приехали только сегодня, мсье, и остановились в нашем отеле.

Странно, подумал Дронго, никто не знал, что он остановился в «Ритце». Но, поблагодарив портье, он вошел в лифт, чтоб подняться на пятый этаж.

Лифт, находившийся справа от входа, был устроен не совсем обычно. Гости входили в кабину лифта, и дверь закрывалась за их спиной. После чего кабина поднималась вверх, а гости, уже не разворачиваясь в тесной кабине, выходили через другую дверь. Поднявшись на пятый этаж, он прошел к указанному номеру, постучал.

— Войдите, — услышал он женский

голос. Дронго осторожно открыл дверь и прошел в небольшой коридор. В комнате в двух креслах сидели две молодые женщины редкой красоты. Одна — блондинка, другая — шатенка. Возникло ощущение, что красавицы сошли с рекламных плакатов модельных агентств. Обе женщины смотрели на гостя, понимающе улыбаясь.

Сукин сын Хеккет, догадался, рассмеявшись, Дронго. Он все-таки запомнил его фразу и прислал сразу двух красоток. Прекрасно зная, что женщинам не разрешат сидеть в холле до полуночи, он подстраховался и снял для них номер. То есть вновь продемонстрировал свое умение решать любые проблемы.

— Вы ждете меня? — спросил Дронго.

И в этот момент раздался телефонный звонок. Одна из молодых женщин грациозно поднялась и, подняв трубку, передала ее Дронго.

— Приятного отдыха, Дронго, — пожелал Хеккет, — по-моему, вам они должны понравиться. Можете не беспокоиться. В «Ритце» у меня нет спрятанных камер.

— Это еще неизвестно, — пробормотал Дронго, — но в любом случае

благодарю вас за подарок. Я ваш должник. Спокойной ночи.

Он положил трубку, обернулся к обеим женщинам. Колебаться было бы глупо. Он редко встречал подобные породистые экземпляры.

— Не могу отказать мистеру Хеккету, — улыбнулся Дронго, — только не будем доставлять ему удовольствия. Сейчас я спущусь вниз и сниму другой номер, где наверняка не успели побывать его люди.

— Что? — спросила одна из женщин.

— Ничего. Я просто восхищаюсь вашей красотой, — пробормотал он, выходя из номера.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Утром автомобиль, приехавший за ним к отелю, отвез его в аэропорт. На этот раз, возвращаясь обратно в Москву, он, как обычно, закрыл иллюминаторы. Самолетами он летал чаще, чем ездил на такси, но инстинктивный страх сидел в нем постоянно. При любой возможности он старался избежать полетов, заменяя их более длительными поездками на поездах.

В Шереметьеве его встречали двое — Любомудров и Ильин. Багажа у него не было, и он довольно быстро вышел к встречающим. Любомудров оказался худым высоким мужчиной с вихром непослушных волос, смешно торчавших на затылке. Толстые стекла очков наводили на мысль, что он испортил зрение на работе, углубясь в фолианты справочников и кодексов. Ильин выглядел ordinarily солидно. Широкоплечий, высокий и красивый молодой человек в новой замшевой куртке. Он первым протянул руку Дронго. Любомудров подошел следом. Церемонно представился.

В «Ауди», на котором они приехали, за рулем сидел Ильин. Такова была просьба Дронго. Он не хотел вести разговор при водителе, даже если тот был человеком проверенным. Чем меньше людей будет знать об их поисках, тем реальнее шансы на успех.

— Вы завтракали в день знакомства с вашим патроном? — уточнил Дронго у адвоката. — Что вы можете сказать об особе, которая находилась тогда в ресторане? Мне хотелось бы услышать ваш рассказ.

— Симпатичная молодая женщи-

на, — осторожно начал Любомудров, — хорошо одетая, волосы тщательно уложены. Вы знаете, я часто обращаю внимание на волосы «ночных бабочек». Обычно они очень неухоженные. Не знаю, чем это объяснить, но, видимо, им важнее следить за лицом, которое является их своеобразным рабочим инструментом, нежели за всем прочим. А эта девица была очень ухоженная, хорошо одета. Во всяком случае, одна ее сумочка потянула бы на несколько сотен долларов.

— Существуют профессионалки, труд которых очень высоко ценится и оплачивается, — заметил Дронго.

— Да, да, скорее она из этой категории, «высокооплачиваемых». Она прошла к столику, что-то заказала официанту.

— Как вы думаете, они были знакомы с официантом?

— Не знаю. Я не слышал, о чем они разговаривали.

— Но она кивнула ему как своему знакомому? Или, наоборот, сухо поздоровалась?

— Скорее как незнакомому.

— Как они познакомились с Александром?

— В его обычном стиле. Он послал ей самое дорогое шампанское. Девушка благодарно кивнула. Затем он подошел к ней, они немного поговорили и тут же пошли вместе — в его номер. Я думал, она уедет через час. Но он серьезно увлекся, даже отменил несколько важных встреч. А потом три дня девица оставалась в его номере.

— И многие видели их вместе? — как бы чем-то недовольный, спросил Дронго.

— Многие. Поэтому ее убийство вызвало у всех у нас шок. Но пока мне удалось убедить следователя, что шеф покинул гостиницу до того, как убили эту особу. Хорошо еще, что она оставалась в номере и ее нашли только в четвертом часу дня.

— А когда улетел ваш шеф?

— Он уехал из отеля в десять часов утра. В половине второго улетал его самолет на Париж. Мы еще успели захватить в наш офис.

— А когда, по мнению экспертов, убили женщину?

— Примерно в это время. Эксперты называют время с половины первого до половины второго. То есть теоретически он мог успеть выстрелить в женщи-

ну и приехать в аэропорт. Конечно, только теоретически, но, если найдут какие-нибудь другие доказательства... Будет очень сложно его защищать.

— Вы видели пленку?

— Видел. Два дня назад я летал на несколько часов в Париж. Это ужасно. И очень убедительно. Пока пленки нет, все можно доказать. Но, когда появится пленка, непросто будет убедить следователей и прокуроров в невиновности нашего патрона. И даже если нам удастся это сделать, то и тогда они могут показать пленку на телевидении. Вы же знаете, какой канал они контролируют. Если пленку покажут по телевидению, это вызовет еще больший скандал, чем обвинение следствия. Тут уж невозможно оправдаться.

— Это я понимаю. Как ее звали?

— Ирина. Ирина Максименко. О ней уже писали некоторые газеты. Там же содержались и намеки на ее связь с неким высокопоставленным лицом. Но пока нигде не упоминаются конкретные фамилии.

— Мы едем к «Метрополю», — сказал Дронго, обращаясь к Ильину.

Тот молча кивнул, чуть прибавляя скорость.

— Мы уже были в гостинице, — нарушил молчание адвокат, — как и следователи. Это особый отель. Там есть собственная служба безопасности, есть и свой круг посетителей. Но, что странно, — никаких сведений об убитой. Наверное, она там не работала.

— Или наоборот, — вздохнул Дронго. — Вы, очевидно, использовали обычную систему проверки. Есть еще и неформальные методы проверки.

— В «Метрополе» нельзя часто появляться, — заметил Ильин, — нельзя мельтешить. Можно нарваться на очень крупные неприятности.

— Я постараюсь аккуратно, — понимающе кивнул Дронго, — все едино поиск нужно начинать с отеля. А вы, Викентий Алексеевич, поедете в прокуратуру и постараетесь узнать все о погибшей. Кто она, откуда родом, где проживала, если москвичка, где живут ее родные, где была прописана. В общем все, что сможете узнать.

— Постараюсь, хотя, честно говоря, вряд ли следователь обязан мне все это рассказывать, — с сомнением протянул Любомудров.

— Объясните, что речь идет о репутации вашего патрона. Что вы решили

помочь следствию установить истину. Я думаю, следовательно, замороченный массой дел, наверняка пойдет вам навстречу. В конце концов, зачем скрывать данные об убитой? Это ведь не тайна следствия.

— Где она жила, мы знаем, — вставил Ильин, — на улице Удальцова, в новой Олимпийской деревне.

— Откуда вы знаете?

— Наши водители ее несколько раз туда отвозили.

— Это еще ни о чем не говорит, — возразил Дронго, — вполне возможно, что она там не живет. Кто-нибудь поднимался вместе с ней в квартиру?

— Нет. Машина обычно ждала у дома.

— В любом случае мы поедем туда и все проверим, — согласился Дронго, — но сначала в «Метрополь». По дороге завезем в прокуратуру Викентия Алексеевича.

— Где встречаемся? — спросил адвокат.

— Ровно через два часа мы за вами заедем. Только постарайтесь все же узнать побольше. Любые детали, любые подробности могут оказаться очень важными.